

Научная дискуссия о теоретико-методологических основах интернализации внешних эффектов

Шехов Иван Александрович 

Аспирант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: shekhov94@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономика общественного благосостояния, институциональная теория, интернализация внешних эффектов, регулирование экстерналий, пигувианские налоги, теорема Коуза, спецификация прав собственности

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена основным положениям дискуссии двух важнейших основополагающих направлений экономической мысли – экономики общественного благосостояния и институционализма – по вопросу интернализации внешних эффектов (экстерналий). Актуальность темы обусловлена огромной зависимостью результативности мер государственного регулирования, направленных на сокращение экологического ущерба, обеспечение экологической безопасности и поддержание устойчивого развития, от эффективности системы инструментов интернализации. Целью исследования является анализ и обобщение научных взглядов А.Пигу и Р.Коуза по вопросу принципиального подхода к регулированию внешних эффектов в целях разработки эффективной системы интернализации. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: рассмотрены теоретические и методологические основы проблемы внешних эффектов; охарактеризована сущность принципиального подхода А.Пигу к их регулированию; проанализирован альтернативный подход Р.Коуза к решению проблемы экстерналий; выявлены критерии и проведён сравнительный анализ двух подходов; определены их концептуальные различия, ограничения, а также условия, при которых каждый из них может быть наиболее эффективным. Научные парадигмы экономической теории благосостояния и институциональной теории к проблеме регулирования внешних эффектов демонстрируют как сходство, так и различия. Общность позиций проявляется в признании того факта, что возможность интернализации путем корректировки предельных частных издержек с учетом внешнего эффекта в значительной мере обусловлена действиями государства. Различия же касаются представлений об инструментарию государственного регулирования внешних эффектов. Если сторонники экономики общественного благосостояния делают упор на фискальные методы (налоги и субсидии), то представители институционализма настаивают на минимизации прямого участия государства, сводя его роль к четкой спецификации и защите прав собственности, что создает основу для эффективного решения проблемы посредством применения рыночных механизмов. Область применения результатов исследования лежит в сфере экономической теории, истории экономических учений, экономики природопользования и экологического менеджмента.

JEL codes: A1; D62; H2; K2

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-2-37-51>

Для цитирования: Шехов, И.А. Научная дискуссия о теоретико-методологических основах интернализации внешних эффектов / И.А. Шехов. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 2. – С.37-51. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.02.2026)

Введение

Современная научная картина внешних эффектов (экстерналий – от англ. external – внешний), их роли в хозяйственной жизни и способов регулирования сложилась благодаря исследованиям, проведенным в рамках различных направлений экономической мысли. Определяющий вклад в формирование теории экстерналий внесли два течения: экономическая теория благосостояния и

институционализм.

В русле экономической теории благосостояния происходило становление нормативного подхода к внешним эффектам, выявлялись их основные характеристики, разрабатывалась их классификация. Вместе с тем представители данного направления, сосредоточив основное внимание на фискальных методах регулирования экстерналий, не сумели предложить развернутой системы инструментов интернализации (от англ. *internal* — внутренний). Кроме того, здесь принято было рассматривать интернализацию в довольно узком ключе, а именно, исключительно как перенос экономической составляющей экстернального воздействия на его источник.

В рамках же институциональной парадигмы теоретический взгляд на экономическую природу категории «внешние эффекты», а, следовательно, и на возможности их регулирования претерпел принципиальные изменения; представление об инструментарии интернализации было существенно расширено.

Проблематика внешних эффектов остаётся одной из наиболее актуальных тем экономической теории на протяжении уже многих десятилетий. Интерес к ней обусловлен тем, что вопросы регулирования экстерналий непосредственно связаны с решением задач сокращения экологического ущерба и минимизации негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду. В более широком контексте речь идёт о формировании рациональной модели природопользования, обеспечивающей реализацию принципов корпоративной социальной ответственности, обеспечение экономической безопасности и движение экономики по траектории устойчивого развития [10, 11, 18].

Реализация указанных целей невозможна без создания эффективной системы инструментов интернализации внешних эффектов, под которой традиционно принято понимать перенос экономической составляющей внешнего эффекта на его источник. Такая система не может носить исключительно прикладной характер — она должна опираться на теоретически обоснованную концептуальную базу. Именно поэтому анализ фундаментальных научных подходов к интернализации экстерналий сохраняет не только теоретическое, но и прикладное значение.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и обосновании теоретической парадигмы, лежащей в основе современных механизмов регулирования внешних эффектов, возникающих в сфере природопользования.

Предметом исследования выступают научные концепции Артура Сесилия Пигу (Arthur Cecil Pigou) и Рональда Гарри Коуза (Ronald Harry Coase) — представителей двух ключевых направлений экономической мысли: экономики общественного благосостояния и институционализма. Их идеи оказали решающее влияние на формирование научных представлений о современной системе интернализации экологических экстерналий.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих научных методов.

Метод экономико-теоретического анализа позволил выявить внутреннюю логику рассматриваемых концепций. Аналитические процедуры включали в себя операции анализа, синтеза и обобщения научных положений. Сравнительный метод обеспечил сопоставление альтернативных подходов к интернализации внешних эффектов. Метод индукции позволил перейти от частных теоретических положений к более общим выводам, а аксиоматико-дедуктивный метод обеспечил проверку логической согласованности концептуальных построений.

Использование совокупности перечисленных методов дало возможность провести многоплановое комплексное исследование научных взглядов представителей двух принципиально различных теоретических традиций, определивших современное понимание механизмов регулирования экологических экстерналий.

Методологическую основу работы составили научные публикации экономистов,

занимающихся проблематикой внешних эффектов и экономики природопользования, а также материалы официальных источников.

Результаты исследования и обсуждение

Современное представление о природе внешних эффектов, их месте в экономической системе и способах регулирования сформировалось в результате длительной эволюции экономической мысли. Наиболее значительный вклад в становление теории экстерналий был внесён двумя научными направлениями — экономикой общественного благосостояния и институционализмом. В рамках первого из них возник нормативный подход к проблеме внешних эффектов, позволивший выявить их ключевые характеристики и сформировать их базовую классификацию. Вместе с тем в этом направлении интернализация рассматривалась преимущественно через призму фискального воздействия, что ограничивало спектр предлагаемых инструментов регулирования.

Впервые на существование внешних эффектов указал А.Пигу, с именем которого связывают завершение создания неоклассической теории благосостояния. Мировую известность принесла ученому его работа «Экономическая теория благосостояния» (1920) [12, 26].

Пигу считает, что понятие «благосостояние» гораздо шире, чем принято было считать до сих пор, и что оно включает в себя не только экономические аспекты. Помимо максимума полезности от потребления благ, благосостояние подразумевает такие составляющие, как условия окружающей среды, характер работы, взаимоотношения с людьми, общественное положение, жилищные условия, общественный порядок, безопасность и пр. Учитывая все эти аспекты, человек может чувствовать себя удовлетворенным в большей или меньшей степени даже при неизменном уровне дохода, материального благополучия. Современная теория объединила все эти составляющие в такое понятие, как «качество жизни».

Пигу обращает внимание на то, что размеры национального дохода неточно отражают уровень общественного благосостояния, так как многие элементы качества жизни, не имеющие денежной оценки, тем не менее, являются реальными факторами благосостояния. Поэтому вполне возможным оказывается возникновение ситуации, при которой рост реального объема производства сопровождается снижением общественного благосостояния, и, наоборот, увеличение благосостояния сопровождается уменьшением объема производства.

Из этого следует важный вывод о том, что рост производства может сопровождаться ухудшением благосостояния. Например, в том случае, когда одновременно снижается качество окружающей природной среды или ухудшаются социальные условия. Обратная ситуация также возможна — улучшение общественного благополучия при стагнации или даже сокращении выпуска продукции.

В центре внимания Пигу оказывается противоречие между частными решениями экономических агентов и общественными результатами их деятельности. Причиной такого расхождения выступают внешние эффекты — последствия экономической активности, затрагивающие третьих лиц и не находящие своего отражения в рыночных ценах.

В классических моделях равновесия предполагалось, что рыночная цена полностью учитывает все затраты и выгоды. Однако в реальности существуют ситуации, когда использование ресурса одним субъектом порождает дополнительные издержки или выгоды для других. Эти «нерыночные взаимозависимости» и составляют предмет анализа Пигу.

Пигу показал, что общественные издержки и выгоды могут отклоняться от частных. Так, при отрицательных экстерналиях общественные издержки превышают частные, а при положительных — общественные выгоды оказываются выше индивидуальных.

Центральным положением рассматриваемой концепции является требование равенства предельной общественной выгоды и предельных общественных издержек. Если это условие нарушается, то рыночный механизм перестаёт обеспечивать эффективное распределение ресурсов.

Пигу предлагает следующий нормативный механизм корректировки: если общественная

выгода превышает частную, то необходимы субсидии; а если общественные издержки выше частных, то требуется налог [12, 26]. Таким образом, по мнению Пигу, государство должно изменять структуру стимулов таким образом, чтобы частные решения приводили к общественно желаемому результату. В последующем описанные фискальные инструменты интернализации в экономической теории получили название пигувианских налогов (pigouvian tax).

При отрицательных внешних эффектах вводится налог, равный величине предельного внешнего ущерба. Это повышает цену продукции и сокращает её выпуск до общественно оптимального уровня. При положительных внешних эффектах государство компенсирует производителю выгоды, получаемые третьими лицами, стимулируя расширение производства и увеличение его объёма.

Таким образом, ценовой механизм начинает отражать полную общественную (то есть действительную) стоимость ресурсов.

Из теории Пигу следует фундаментальный вывод о том, что существование экстерналий является самостоятельным основанием для государственного вмешательства. Рыночная система не способна автоматически учитывать внешние эффекты, поэтому без корректирующей политики распределение ресурсов закономерно оказывается неэффективным.

Именно здесь формируется концепция «провалов рынка», согласно которой государство рассматривается как институт, обеспечивающий достижение общественного оптимума посредством перераспределения доходов и корректировки ценовых сигналов.

В этом смысле Пигу фактически пересматривает классическую идею минимальной роли государства в экономике в качестве «ночного сторожа». Теперь государству отводится достаточно активная роль, состоящая не только в обеспечении защиты прав, но и в достижении и поддержании общественного благосостояния, включая охрану окружающей среды и учёт интересов будущих поколений.

Особое значение имеет вывод Пигу о временной асимметрии предпочтений. Речь идёт о том, что общество склонно недооценивать будущие выгоды по сравнению с текущими. Это приводит к чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, снижению качества окружающей природной среды и ухудшению экологических условий.

Следовательно, по мнению Пигу, государство должно выступать гарантом интересов будущих поколений, корректируя рыночные решения через систему регулирования экстерналий.

Несмотря на фундаментальную значимость концепции, разработанной в рамках экономики общественного благосостояния, дальнейшее развитие экономической науки выявило ряд ограничений пигувианской модели регулирования внешних эффектов. Эти ограничения были связаны не столько с внутренней логической противоречивостью теории, сколько с её чрезмерной абстрактностью и трудностями практического применения.

Ключевой предпосылкой корректирующего налогообложения является возможность количественной оценки внешнего эффекта. Однако в реальной экономике подобная оценка крайне затруднительна. Для определения оптимального налога необходимо точно измерить предельные общественные издержки, включая также и их нематериальные последствия, такие как ухудшение здоровья, снижение качества окружающей природной среды, потерю биоразнообразия и т.п. Но поскольку такие параметры либо вообще не поддаются денежному измерению, либо их оценка неизбежно носит условный характер, постольку и корректирующий налог превращается из строго экономического инструмента в административное решение, и величина этого налога определяется весьма приблизительно.

Следовательно, на практике невозможно гарантировать совпадение размера налога с величиной предельного ущерба, а значит и невозможно обеспечить достижение общественного оптимума в том смысле, в каком это предполагал Пигу.

Для практической реализации пигувианской модели государство должно обладать полной информацией о функциях издержек производителей и полезности потребителей, о действительной

величине внешних эффектов, а также о возможных технологических альтернативах.

В реальности такой информацией не располагает ни один регулирующий орган. Более того, её получение связано с высокими затратами и стратегическим поведением экономических агентов, заинтересованных в искажении данных. Это означает, что государственное регулирование само по себе становится источником дополнительных издержек — административных, бюрократических и транзакционных.

Корректирующий налог не обязательно означает компенсацию «пострадавшей» от внешнего эффекта стороне. Поскольку средства от взимаемых налогов поступают в бюджет и перераспределяются в соответствии с государственной политикой, постольку взимание налога не является гарантией возмещения ущерба реципиенту внешнего эффекта.

Таким образом, возникает противоречие между компенсацией ущерба, с одной стороны, и фискальным регулированием поведения экономических субъектов, с другой стороны. Так, пигувианская схема часто интерпретируется как первое, но в действительности представляет собой второе, что и создаёт методологическую путаницу.

Ещё одно ограничение связано с пространственным распределением экономической активности. Если налог будет зависеть от величины ущерба, то это может стимулировать появление новых реципиентов воздействия. Например, размещение жилья рядом с промышленным объектом увеличивает измеряемый ущерб и усиливает налоговое давление на производителя, хотя более дешёвым решением могло бы быть изменение размещения самих потребителей в большей удалённости от этого промышленного объекта.

Следовательно, налоговое регулирование не обязательно будет минимизировать совокупные общественные издержки — оно может лишь изменять поведение одного из участников взаимодействия.

В модели общественного благосостояния источник экстерналий рассматривается как единственная причина ущерба. Однако многие ситуации носят обоюдный характер, в том смысле, что предотвращение ущерба для одной стороны оборачивается затратами для другой.

Это означает, что связанная с экстерналиями проблема — это не просто проблема ущерба, это проблема выбора между альтернативными способами использования ресурсов. Именно данный тезис и стал отправной точкой принципиально нового подхода к анализу внешних эффектов.

К середине XX века сформировалось направление экономической мысли, предложившее принципиально иной взгляд на природу «провалов» рынка. В отличие от неоклассической теории, сравнивавшей реальную экономику с гипотетическим идеалом модели совершенной конкуренции, институциональный подход стал ориентироваться на сопоставление реально возможных экономических моделей. Экономика стала рассматриваться как система взаимодействий, происходящих в рамках определённых правил — институтов, таких как правовые нормы, формы контрактов, социальные традиции, структуры управления, механизмы принятия решений и пр.

В этом контексте внешние эффекты перестали трактоваться исключительно как «техническое» отклонение от оптимума. Они стали пониматься как следствие формирования определённой структуры прав и издержек взаимодействия между экономическими агентами.

Таким образом, внимание исследователей сместило свой фокус по трём направлениям: от корректировки цен к организации взаимодействия экономических субъектов; от взимания налогов к установлению прав собственности; от перераспределения ресурсов к заключению контрактов.

Именно в рамках такой новой исследовательской парадигмы была сформулирована новая теория интернализации внешних эффектов, наиболее полно представленная в работах Р.Коуза [6, 24, 25].

Формирование институционального направления экономической теории сопровождалось пересмотром фундаментальных представлений о функционировании рыночной системы. В центре анализа оказались не только производственные технологии и предпочтения экономических агентов,

но и условия, в которых осуществляется их взаимодействие. К числу таких условий были отнесены правовые нормы, формы контрактов, структура информации и издержки заключения соглашений.

Именно в этом контексте и возникла теория Коуза, которая существенно изменила понимание природы внешних эффектов и способов их регулирования.

Классическая теория фактически исходила из предположения о бесплатности рыночного обмена. Такие процессы как заключение сделок, поиск информации, контроль исполнения контрактов и защита прав не рассматривались как экономически значимые процессы в смысле их затратности. В результате рыночный механизм представлялся саморегулирующейся системой, автоматически приводящей экономику к эффективному распределению ресурсов.

Коуз показал, что подобное представление носит исключительно абстрактный характер, поскольку любое взаимодействие между экономическими агентами неизбежно связано с затратами. Так, например, необходимо найти экономического партнёра, согласовать с ним условия контракта, зафиксировать достигнутые договорённости, а также обеспечить их соблюдение. Такого рода затраты получили название транзакционных издержек.

Включение транзакционных издержек в экономический анализ позволило объяснить существование организаций, правовых институтов и различных форм координации деятельности. Фирма, государство и контракт оказались альтернативными способами минимизации издержек взаимодействия.

В то время как в традиционной теории благосостояния внешние эффекты интерпретировались как технологические отклонения от оптимума, в своей теории Коуз предложил принципиально иной взгляд [20]. Он обосновал вывод о том, что экстерналии возникают только в том случае, когда права на использование ресурса определены неполно или же не определены и не закреплены вовсе.

Иными словами, проблема состоит не в самом воздействии, а в отсутствии чётких правил того, кто и в каком объёме может осуществлять это воздействие, не выходя за рамки своих правовых полномочий. Если право на использование ресурса определено и закреплено на законодательном уровне, то стороны сами могут договориться о взаимоприемлемом способе его применения. Таким образом, внешние эффекты становятся не следствием «провала рынка», а следствием институциональной неопределённости.

Результаты экономического анализа, раскрывающие связь между категориями транзакционных издержек, прав собственности и внешних эффектов, представлены в так называемой теореме Коуза [8, 9]. Интересен тот факт, что Коуз не признает за собой авторства теоремы как таковой: «Не мне принадлежит выражение «теорема Коуза», так же, как и точная формулировка теоремы, - автор того и другого – Стиглер» [6, с. 142]. Дж.Стиглер так сформулировал теорему Коуза: «... в условиях совершенной конкуренции частные и социальные издержки будут равны» [27, с. 113]. Выражение «в условиях совершенной конкуренции» означает, что вся информация об издержках отражена в ценах, а фраза «частные и социальные [общественные] издержки будут равны» означает, что отсутствуют внешние эффекты.

Впервые Коуз выразил предположение, которое затем (с легкой руки Стиглера) превратилось в теорему его имени, в статье «Федеральная комиссия связи» (1959): «Принадлежит ли вновь открытая пещера тому, кто её открыл, тому, на чьей земле расположен вход в пещеру, или тому, кто владеет поверхностью земли, под которой расположена пещера, - зависит от закона собственности. Но закон просто определяет человека, с которым следует заключить контракт на использование пещеры. Используется ли пещера для хранения банковской информации, как хранилище для природного газа или для выращивания грибов, зависит не от законов о собственности, но от того, кто больше заплатит за пользование пещерой - банк, корпорация природного газа или грибной концерн» [24, с. 25].

Затем Коуз отмечает, что это положение, которое трудно оспаривать в случае с правом на использование пещеры, может быть использовано также и для права на излучение электромагнитных

волн (или на создание дымового загрязнения). Используя цепь аргументов, которые в настоящее время широко известны, Коуз показал, что независимо от того, кому будет изначально предоставлено право собственности на ограниченный ресурс, оно всё равно будет приобретено тем, для кого представляет наибольшую ценность: «... хотя разграничение прав является существенной предпосылкой рыночных трансакций ... конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правового решения» [24, с. 27]. Это и есть содержание теоремы Коуза в оригинальной версии.

Более подробно Коуз развивает свои аргументы в статье «Проблема социальных издержек» (1960), где ясно показывает, что достижение такого результата возможно только при нулевых трансакционных издержках [25]. В этой работе он продолжает начатое исследование и изучает влияние права на работу экономической системы, а также проясняет фундаментальную роль трансакционных издержек в процессе формирования общественных институтов, в том числе обеспечивающих интернализацию внешних эффектов.

Экономический смысл теоремы Коуза заключается в том, что стороны способны путём переговоров прийти к решению, максимизирующему совокупную полезность результатов общественного производства. В такой модели право неизбежно и закономерно перейдёт к тому субъекту, который придаёт «спорному» ограниченному ресурсу наивысшую субъективную оценку.

Важно подчеркнуть, что Коуз использовал гипотезу нулевых трансакционных издержек не как описание реальности, а как аналитический инструмент. Он демонстрировал, что в идеальных условиях правовая система не влияет на конечное размещение ресурсов. Следовательно, в реальном мире именно положительные трансакционные издержки придают спецификации прав собственности экономическое значение.

Когда издержки переговоров отличны от нуля, распределение прав собственности начинает определять структуру производства. Отсюда следует принципиальный вывод о том, что правовая система становится неотъемлемой и важнейшей частью экономического механизма. Таким образом, институт собственности выступает не юридическим оформлением уже существующих отношений, а фактором, формирующим собственно хозяйственные решения.

Институциональная теория рассматривает права собственности как набор разрешённых действий в отношении экономических ресурсов. Их спецификация всегда неполна, поскольку полное описание всех возможных ситуаций распределения и закрепления прав собственности требует по истине бесконечных затрат.

Следовательно, практически каждое право собственности носит относительный характер в том смысле, что оно всегда связано с определёнными ограничениями. Степень его определённости зависит от соотношения выгод и затрат на защиту и уточнение этого права. Чем выше стоимость «определения и контроля», тем более «размытым» остаётся право. В этом контексте экстерналии как раз и представляют собой проявление неполноты прав, то есть те последствия использования ресурса, которые не закреплены за конкретным субъектом.

Одним из ключевых положений теории Коуза стало утверждение об обоюдостороннем характере проблемы внешних эффектов. Эта проблема никогда не является односторонней, поскольку предотвращение (или компенсация) ущерба одной стороне всегда требует определённых ограничений для другой. Поэтому задача состоит не в устранении негативного воздействия как такового, а в выборе варианта, обеспечивающего наименьшие совокупные издержки для обеих сторон взаимодействия.

Здесь возможны различные решения, в числе которых могут быть изменение технологии, корректировка поведения пострадавшей стороны, договорённости о компенсации и пр. Экономически эффективным станет тот вариант, который позволит минимизировать суммарные издержки обеих взаимодействующих сторон.

Из теории Коуза следует, что вмешательство государства оправдано не самим фактом

существования внешнего эффекта, а величиной трансакционных издержек. Если стороны могут договориться об устранении внешнего эффекта самостоятельно, то государственное регулирование в такой ситуации избыточно и лишено всякого смысла. Если же издержки переговоров велики, то государство может повысить эффективность, установив чёткие права собственности на ограниченные ресурсы, сформировав тем самым правила взаимодействия экономических субъектов.

Таким образом, государство выступает не «корректором цен» посредством фискальных инструментов (налогов и субсидий), а «организатором» институциональной среды.

Рассуждения, лежащие в основе теоремы Коуза, имеют существенно более широкий смысл, чем простое объяснение механизма устранения внешних эффектов путём переговоров и достижения договорённостей. Эти рассуждения приводят к пересмотру фундаментальных представлений о роли государства, природе рынка и источниках экономической неэффективности. Анализ последствий применения теории Коуза позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, имеющих важное значение для практического регулирования экстерналий.

Первый вывод заключается в признании фундаментальной роли трансакционных издержек в функционировании экономических систем. В условиях, когда они имеют положительное значение (что соответствует реальной картине экономической действительности), законодательная деятельность государства, и прежде всего процесс спецификации прав собственности, начинает оказывать определяющее воздействие как на структуру общественного производства, так и на общую экономическую эффективность.

По существу, теорема Коуза предлагает решение одного из «вечных» вопросов экономической теории: при каких обстоятельствах законы производства и распределения могут существовать независимо друг от друга? Согласно теореме, условием автономности производственных процессов и процессов распределения доходов выступают нулевые трансакционные издержки. При этом размытость прав собственности свидетельствует лишь о заведомо высоких издержках их спецификации и защиты. Как только трансакционные издержки становятся положительными, отношения собственности неизбежно встраиваются в производственные процессы [4, 5, 19]. Поскольку в реальной экономике нулевой уровень таких издержек недостижим, все аспекты реального производства и спецификации имущественных прав по умолчанию всегда находятся в тесной взаимосвязи.

Второй вывод фиксирует прямую зависимость между наличием внешних эффектов и степенью определенности прав собственности. Экстерналии возникают лишь тогда, когда права собственности оказываются размытыми или недостаточно специфицированными [7, 17]. Любые издержки или выгоды, порождаемые социальным взаимодействием, содержат в себе потенциал их «трансформации» во внешние эффекты.

Теорема Коуза позволила раскрыть глубинный экономический смысл института собственности. Заключается он в том, что, если бы удалось добиться абсолютно чёткой спецификации прав (при которой все последствия деятельности субъекта замыкались бы исключительно на нём), это привело бы к автоматической интернализации любых экстерналий.

Очевидно, что без предварительного разграничения прав невозможны никакие последующие трансакции по их обмену или перераспределению. При этом зачастую само по себе законодательное закрепление прав собственности способно устранить внешние эффекты без дополнительного вмешательства. Таким образом, формирование чётких прав собственности открывает прямой путь к интернализации внешних эффектов и преодолению связанной с ними неэффективности в распределении экономических ресурсов.

В настоящее время в экономической теории концепция Коуза находит своё практическое применение в части формирования негаресурсов и создания их рынка в целях интернализации внешних эффектов [3, 23]. Парадигма генерирования негаресурсов была предложена в докладах Римского клуба [1, 2] и сегодня является одним из наименее изученных аспектов современных

научных исследований.

Возможность практического применения теории негаресурсов привлекает сегодня внимание учёных, главным образом, применительно к торговле правами на выбросы парниковых газов [15], а также к расширению возможностей развития экономики совместного потребления (шеринговой экономики) [13, 14, 16, 21].

Третий вывод переворачивает традиционную интерпретацию природы экстерналий на диаметрально противоположную, квалифицируя их не как «фиаско рынка», а как следствие несовершенства государственного регулирования. Основным способ нейтрализации внешних эффектов видится в институциональном оформлении прав собственности.

Более того, нередко сами экстерналии провоцируются действиями государства, которое создает административные и правовые барьеры, препятствующие заключению добровольных сделок по интернализации. Следовательно, причины возникновения внешних эффектов и их негативных последствий следует искать в дефектах законодательной системы. Если в ситуации с экстерналиями и можно говорить о «провале», то это провал не рыночного механизма, а именно государства. В этом смысле теорема Коуза снимает с рыночной системы и института частной собственности традиционные обвинения в генерировании внешних эффектов (включая и те, что возникают в сфере природопользования и связаны с загрязнением окружающей среды).

Коренная причина экстерналий кроется, таким образом, не в избыточности, а в недостаточном развитии отношений частной собственности. По своей сути внешние эффекты представляют собой не что иное, как неспецифицированные и, следовательно, не вовлеченные в экономический оборот права собственности. Если пигувианская традиция рассматривает экстерналии сквозь призму «провалов» рынка, требующих корректирующих действий государства, то теория прав собственности предлагает диаметрально противоположный вариант: углубление спецификации прав и всемерное расширение сферы рыночных взаимодействий [20].

Следующее важное следствие касается оценки роли государства. Сам факт существования внешнего эффекта не является достаточным основанием для государственного вмешательства в какой бы то ни было форме, будь то введение налогов, установление субсидий или наложение запретов. При принятии решения о целесообразности государственного регулирования необходимо сопоставлять предельные издержки альтернативных решений, таких, например, как переговоры между заинтересованными сторонами, являющимися источниками и реципиентами внешнего эффекта.

Государство должно выбирать тот вариант, который обеспечивает наименьшие суммарные затраты. При этом регулирование само по себе также сопровождается издержками (например, издержками поиска информации, издержками контроля, издержками бюрократическими и пр.). Поэтому в некоторых случаях «лечение» может оказаться дороже «самой болезни».

Из теории Коуза следует, что задача заключается не в устранении внешних эффектов любой ценой, а в минимизации совокупных общественных издержек. В этом смысле иногда эффективнее допустить существование экстерналий, чем пытаться полностью их устранить.

Так, например, снижение загрязнения окружающей среды до нуля может потребовать затрат, существенно превышающих ущерб от самого загрязнения. Следовательно, оптимум достигается не при отсутствии негативного экстерналиального воздействия, а при равенстве предельных затрат его предотвращения, с одной стороны, и предельного ущерба, с другой.

Таким образом, регулирующая политика государства должна быть ориентирована на выбор наименее затратного варианта использования ресурсов.

Последний вывод касается практических инструментов регулирования. Наиболее эффективным способом интернализации часто оказывается не налоговое воздействие, а создание условий для добровольных соглашений между экономическими субъектами. В этой связи можно сказать, что государство выступает «архитектором» институциональной среды, в рамках которой

участники способны самостоятельно достигать эффективных решений.

Одним из наиболее перспективных инструментов новой институциональной среды, активно создаваемой сегодня в целях сокращения экологического ущерба, обеспечения экологической безопасности и поддержания устойчивого развития, является формирование модели циркулярной экономики [22].

Итак, теория Коуза переносит акцент экономической политики государства в отношении внешних эффектов с перераспределения затрат и выгод на организацию взаимодействия. Регулирование экстерналий превращается из задачи корректировки цен в задачу проектирования правил.

Проведённый анализ показывает, что концепции экономики общественного благосостояния и институционализма не являются простым продолжением друг друга. Они представляют собой две различные исследовательские парадигмы, основанные на принципиально отличающихся представлениях о функционировании экономики, природе неэффективности рыночного механизма и роли государства. Сопоставление позиций ключевых представителей этих двух концепций позволяет выявить фундаментальные различия в понимании механизмов интернализации экстерналий.

В пигувианской традиции внешние эффекты трактуются как отклонение от общественно оптимального состояния, возникающее вследствие несовпадения частных и общественных издержек. Рыночная цена не отражает всех последствий хозяйственной деятельности, поэтому возникает необходимость её корректировки.

Институциональный подход рассматривает ту же проблему иначе. Внешний эффект понимается как проявление неопределённости прав собственности. Экономический агент не учитывает часть последствий своей деятельности не потому, что рынок несовершенен сам по себе, а потому, что отсутствуют правила закрепления этих последствий за конкретным субъектом.

Иными словами, в первом случае экстерналии — это «ошибка» ценового механизма, во втором — результат несовершенной (или отсутствующей) институциональной системы.

С точки зрения экономики благосостояния неэффективность возникает из-за неспособности рынка автоматически учитывать общественные издержки. Следовательно, требуется корректирующее вмешательство извне.

В институциональной теории источник проблемы смещается. Неэффективность порождается высокими издержками взаимодействия и неопределённостью прав. При наличии возможности переговоров участники способны самостоятельно прийти к эффективному результату.

Таким образом, пигувианская модель объясняет проблему несовершенством рынка, а коузианская — несовершенством институтов.

Наиболее существенное расхождение в этих моделях касается функций государства.

В модели Пигу государство выступает активным регулятором. Оно должно измерить величину внешнего эффекта, определить оптимальный размер налога или субсидии и изменить структуру стимулов экономических агентов. Регулирование носит корректирующий характер, при котором государство напрямую влияет на цены и объёмы производства.

В теории Коуза государству отводится иная роль. Оно не заменяет рынок, а создаёт условия для его функционирования — закрепляет права, обеспечивает их защиту и снижает издержки взаимодействия. Основным механизмом интернализации переносится с фискальных инструментов на договорные отношения.

Таким образом, если в первом подходе государство корректирует результат, то во втором — формирует правила, при которых результат достигается самими участниками. Экономика благосостояния делает акцент на фискальных инструментах (налогах и субсидиях) в предположении, что через изменение цен можно привести частные решения к общественно оптимальным. Институциональный подход, напротив, рассматривает налоги лишь как один из возможных, но

далеко не как универсальный и, тем более, единственный инструмент. Здесь предпочтение отдаётся спецификации прав собственности, судебным процедурам, переговорам и контрактам.

Следовательно, различие состоит в выборе механизма координации. В пигувианской модели взаимодействие между источником воздействия и «пострадавшей» стороной опосредовано государством. Экономические агенты не обязаны вступать в переговоры друг с другом — их поведение корректируется через систему налогов. В коузианской логике, напротив, взаимодействие носит обоюдосторонний характер. Проблема рассматривается как конфликт альтернативных способов использования ресурса, который может быть решён путём достижения договорённостей. Государство лишь обеспечивает правовую возможность соответствующего соглашения.

Существенное различие касается и применимости подходов на практике. Пигувианская модель требует точного знания величины внешнего ущерба, что зачастую невозможно. Институциональный подход не нуждается в точной оценке — достаточно того, чтобы стороны могли просто сопоставить свои выгоды и затраты.

В результате коузианская схема оказывается менее требовательной к информации, но более чувствительной к уровню транзакционных издержек.

Несмотря на принципиальные расхождения, обе концепции имеют и общую основу. Они исходят из необходимости интернализации внешних эффектов и признают значимость государственной системы правил. Различие заключается в способе достижения цели.

Экономика благосостояния предполагает корректировку поведения через бюджетные механизмы. Институционализм — через организацию правовой среды и добровольные соглашения.

Таким образом, данные теоретические направления не столько опровергают друг друга, сколько описывают разные условия функционирования экономики. Первое - мир высокой, а второе - мир низкой стоимости взаимодействия.

Заключение

Проведённое исследование показало, что теория внешних эффектов формировалась в рамках двух самостоятельных направлений экономической мысли — экономики общественного благосостояния и институционализма. Каждое из них предлагает собственное объяснение природы экстерналий и, соответственно, собственный механизм их интернализации.

Подход, развивавшийся в русле экономики благосостояния, рассматривает внешние эффекты как отклонение от общественно оптимального распределения ресурсов. Несовпадение частных и общественных издержек приводит к искажению ценовых сигналов и, как следствие, к неэффективному объёму производства. В данной логике государство должно выступать активным регулятором. Посредством налогов и субсидий оно изменяет систему стимулов экономических агентов, приводя их решения в соответствие с общественными интересами. Интернализация достигается через корректировку цен и перераспределение доходов.

Институциональная теория предлагает иное объяснение. Внешние эффекты возникают не из-за внутренней неспособности рынка функционировать эффективно, а вследствие неопределённости прав собственности и высоких издержек взаимодействия между участниками. Если права чётко закреплены, а переговоры возможны, то стороны способны самостоятельно прийти к взаимовыгодному решению. Следовательно, задача государства заключается не в непосредственном воздействии на цены, а в формировании институциональной среды — определении и защите прав, обеспечении исполнения контрактов и снижении транзакционных издержек.

Таким образом, различие между рассмотренными подходами проявляется, прежде всего, в понимании источника экономической неэффективности. Если экономика благосостояния связывает её с несовершенством рыночного механизма, то институционализм — с несовершенством правил взаимодействия. Соответственно различаются и предлагаемые инструменты. В первом случае – это фискальное регулирование, во втором - институциональное проектирование.

Вместе с тем концепции Пигу и Коуза не являются взаимоисключающими. Они описывают

различные условия функционирования экономики. При высоких трансакционных издержках налоговые и административные меры могут оказаться более эффективными, в то время как при низких предпочтительными станут договорные механизмы, основанные на чётко определённых правах собственности. Следовательно, выбор политики в отношении интернализации должен определяться сравнением общественных издержек альтернативных способов регулирования.

В конечном итоге современное понимание интернализации внешних эффектов складывается из синтеза обоих подходов. Государство одновременно выступает и регулятором, и создателем институциональной среды. Применяя фискальные инструменты, оно, тем не менее, должно обеспечивать функционирование системы прав и контрактов, позволяющей экономическим агентам учитывать последствия своих действий.

Такой комплексный взгляд позволяет рассматривать регулирование экстерналий не как единый универсальный механизм, а как набор альтернативных решений, применяемых в зависимости от конкретных экономических условий. Именно это обстоятельство определяет практическую значимость сочетания пигувианской и коузианской традиций в современной политике природопользования и охраны окружающей среды в части регулирования экологических внешних эффектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайцзеккер, Э. Фактор четыре. Затрат - половина, отдача - двойная. Новый доклад Римскому клубу / Э.Вайцзеккер, Э.Ловинс, Л.Ловинс. - М.: Academia, 2000. - 400 с.
2. Вайцзеккер, Э. Фактор пять: формула устойчивого роста / Э.Вайцзеккер, М.Х.Смит, К.Харгроуз. - М.: АСТ-Пресс, 2013. - 368 с.
3. Жуковский, Е.М. К устойчивому дорожному хозяйству через производство негаресурсов / Е.М.Жуковский, С.Е.Кравченко, Н.В.Шехова // Наука и техника. - 2023. - Т.22, № 3. - С. 256-264. DOI 10.21122/2227-1031-2023-22-3-256-264. - EDN CXODNE.
4. Калягин, Г.В. Маяк после Коуза: альтернативные способы предоставления благ и функции государства / Г.В.Калягин // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. - 2021. - № 2. - С. 247-264. DOI: 10.38050/013001052021211. - EDN: TCFCNA
5. Капелюшников, Р. Рональд Коуз, или сотворение рынков / Р.Капелюшников // США: экономика, политика, идеология. - 1993. - № 1. - С. 15-24. EDN: VWUASX
6. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / под ред. Р.Капелюшникова. - М.: Новое издательство, 2007. - 224 с.
7. Малышев, Б. Критика критики теоремы Коуза / Б.Малышев // Вопросы экономики. - 2002. - № 10. - С. 100-102.
8. Нуреев, Р.М. Рональд Коуз – человек и теорема / Р.М.Нуреев, Ю.В.Латов // Историко-экономические исследования. - 2021. - Т. 22. - № 4. - С. 663—692. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).663-692 - EDN: UGRWQN.
9. Олейник, А. Институциональная экономика. Тема 5. Теорема Коуза и трансакционные издержки / А.Олейник // Вопросы экономики. - 1999. - № 5. - С. 139-154.
10. Пахомова, Н.В. Экономика природопользования и экологический менеджмент / Н.В.Пахомова, К.К.Рихтер, Г.Б.Малышков, А.В.Хорошавин. - М.: Юрайт, 2026. - 411 с. EDN: GJLYNC.
11. Пахомова, Н.В. Экологический менеджмент на предприятии / Н.В.Пахомова, К.К.Рихтер, Г.Б.Малышков, А.В.Хорошавин. - М.: Юрайт, 2026. - 160 с.
12. Пигу, А.С. Экономическая теория благосостояния. - М.: Прогресс, 1985. - 512 с.
13. Плотников, В.А. Экономика совместного потребления: понятие, особенности, перспективы развития / В.А.Плотников, Я.А.Анисимова // Управленческое консультирование. - 2023. - № 1. - С. 42-51. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-1-42-51 - EDN: XQTLUC.
14. Радаев, В.В. Нестандартное потребление. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025. - 216 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4131-9 - EDN: PFROVD.
15. Ракинцев, Д.С. Влияние углеродного регулирования и ESG-повестки на экономику России / Д.С.Ракинцев // Эко. - 2025. - № 1. - С 8-22. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-8-22 - EDN: JXWJTG.
16. Роженцова, Е.В. Факторы проэкологического поведения граждан / Е.В.Роженцова, Е.А.Третьякова, Д.В.Шимановский // ЭКО. - 2023. - № 2. - С. 123-136. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-2-123-136 - EDN: BHSZFA.
17. Сергеев, А.М. Права собственности и проблема внешних эффектов / А.М.Сергеев // Российский экономический журнал: Электронное приложение. - 2019. - № 4. - С. 1-9. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-4-64-72. - EDN: DMHYQO.
18. Цели в области устойчивого развития // Организация объединенных наций (ООН): официальный сайт. - URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения 28.02.2026).
19. Шаститко, А. Теорема Коуза: проблемы и недоразумения / А.Шаститко // Вопросы экономики. - 2002. - № 10. - С. 96-100.
20. Шаститко, А.Е. Коузианство против пигувианства: идеи, ценности, перспективы / А.Е.Шаститко, Н.С.Павлова // Вопросы экономики. - 2022. - № 1. - С. 23-46. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-1-23-46 - EDN: XGRJFB.

21. Шехов, И.А. Экономика совместного потребления в условиях цифровизации / И.А.Шехов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. - № 4 (142). – С. 192-197. EDN BSQOHV.
22. Шехов, И.А. Исследование циркулярной экономики с позиции политэкономии / И.А.Шехов, Л.А.Миэринь // Государство и рынок в контексте противостояния западноевропейской и евразийской хозяйственных систем: Сб. научн. статей / под ред. Т.А.Селищевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. – С. 35-42. EDN: RKUNOE
23. Шехов, И.А. Содержание экономической категории «негаресурсы» / И.А.Шехов, Л.А.Миэринь // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2025. - № 1 (151). – С. 7-10. EDN: ZXVZRP
24. Coase, R. The Federal Communications Commission // Journal of Law and Economics. – 1959. – Vol. 2 (October). - P. 1-40.
25. Coase, R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. - 1960. - Vol. 3, no. 1. - P. 1-44.
26. Pigou, A.C. The Economics of Welfare. - London.: Macmillan & Co, 1920. – 837 p.
27. Stigler George J. The Theory of Price. - N.-Y.: Macmillan Co., 1966. – 371 p.

Scientific Discussion on the theoretical and methodological foundations of Internalization of Externalities

Shekhov Ivan Aleksandrovich

Post-graduate student,

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: shekhov94@gmail.com

KEYWORDS

Economics of welfare, institutionalism, internalization of externalities, Pigouvian taxes, Coase's theorem, specification of property rights

ABSTRACT

The article is devoted to the main points of discussion of the two most important fundamental areas of economic thought – Economics of Welfare and institutionalism - on the internalization of externalities. The relevance of the topic is due to the huge dependence of the effectiveness of government regulatory measures aimed at reducing environmental damage, ensuring environmental safety and maintaining sustainable development on the effectiveness of the system of internalization tools. The purpose of the study is to analyze and summarize the scientific views of A.Pigou and R.Coase on the issue of a principled approach to the regulation of externalities in order to develop an effective system of intensification. To achieve this goal, the following tasks were solved. The theoretical and methodological foundations of the problem of external effects were considered. The essence of A.Pigou's principled approach to their regulation was characterized. The alternative approach of R.Coase was analyzed. Coase's approach to solving the problem of externalities. Comparison criteria are identified and a comparative analysis of the two approaches is carried out. Their conceptual differences, limitations, as well as the conditions under which each of them can be most effective are identified. The scientific paradigms of the Economics of Welfare and the institutional theory of the problem of regulating externalities demonstrate both similarities and differences. The commonality of positions is manifested in the recognition of the fact that the possibility of internalization by adjusting marginal private costs, taking into account the external effect, is largely due to government actions. The differences relate to ideas about the tools of state regulation of external effects. While proponents of Economics of Welfare emphasize fiscal methods (taxes and subsidies), representatives of institutionalism insist on minimizing the direct involvement of the state, reducing its role to a clear specification and protection of property rights, which creates the basis for an effective solution of the problem through the use of market mechanisms. The scope of the research results lies in the field of economic theory, the history of economic studies, environmental economics and environmental management.
